

они, Бог знает отчего, стыдились его неподвижного лица, его прямо смотрящего взгляда, его печальной насмешки, его язвительного снисхождения*.

А. И. Герцен

ПОНЕДЕЛЬНИКИ П.Я. ЧААДАЕВА**

С 1827 по 1856 год Чаадаев прожил безвыездно в Москве и около 25 лет на одной квартире в Новой Басманной, в доме почетного гражданина Шульца, принадлежавшем прежде близкому ему семейству Левашевых. Живя на одном месте, он до того сделался рабом своих комфортабельных привычек, что все эти 30 лет ни разу не мог решиться провести ночь вне города, хотя многие из его родных и друзей радушно и настойчиво приглашали его в свои подмосковные, придумывая всевозможные удобства для такой легкой поездки и желая доставить хозяину дома возможность перекрасить на его квартире полы и стены и поправить к осени печи. Ему и самому очень хотелось проехаться и освежиться деревенским воздухом, но привычка брала над ним верх.

Тридцать лет сряду в обветшалой своей квартире из трех небольших комнат принимал он у себя еженедельно своих многочисленных знакомых, сперва вечером по средам, потом утром по понедельникам, и любил, чтобы его в эти дни не забывали. Вся Москва, как говорится фигурально, знала, любила, уважала Чаадаева, снисходила к его слабостям, даже ласкала в нем эти слабости. Кто бы ни проезжал через город из людей замечательных, давний знакомец посещал его, незнакомый спешил с ним знакомиться. Кюстин, Могень (Maugin), Мармье, Миркур,

---

* О П.Я. Чаадаеве см. сочинения П.А. Вяземского, т. VIII, с. 287—289.

** Записки Дмитрия Николаевича Свербева (1799—1826). Т. II. М., 1899, с. 404—406.

Мериме, Лист, Берлиоз, Гакстгаузен — все у него перебивали. Конечно, Чаадаев сам заискивал знакомства с известными чем-либо иностранными путешественниками и заботился, чтобы их у него видели; не менее старался он сближаться и с русскими литературными и другими знаменитостями. Я помню, как давно уже ленивый и необщительный Гоголь, еще до появления своих «Мертвых душ», приехал в одну среду вечером к Чаадаеву. Долго на это он не решался, сколько ни упрашивали общие приятели упрямого малоросса; наконец, он приехал и, почти не обращая никакого внимания на хозяина и гостей, уселся в углу на покойное кресло, закрыл глаза, начал дремать и потом, прохрапев весь вечер, очнулся, пробормотал два-три слова в извинение и тут же уехал. Долго не мог забыть Чаадаев такого оригинального посещения, и, конечно, оно вспоминалось ему при чтении Гоголя, а может быть, и при суждении о его произведениях*.

Обыкновенно Чаадаев бывал самым ласковым и внимательным хозяином своих гостей и у себя давал более говорить и рассуждать посетителям, нежели говорил и спорил сам, хотя был очень словоохотен и по временам жаркий спорщик**.

Д. Свербеев

---

* [Сличу письма его к кн. Вяземскому о Гоголе. «Русский Архив», 1866, с. 1088. Примеч. П. Б(артенева).]

** Чаадаев жил во флигеле дома Левашевых. В самом доме Левашевых часто бывали писатели, профессора и другие представители культурной Москвы. По воспоминанию А.И. Дельвига, там бывали поэт *И.И. Дмитриев* (у которого ранее также были литературные собрания, о чем писал М. Погодин в газете «Русский», 1868, № 7, 8, 11 — «Вечера у И.И. Дмитриева») — и П.А. Вяземский в VII томе полного собрания соч., с. 158—167), *М.Ф. Орлов*, *А.Н. Раевский*, *Е. Баратынский*, *М.А. Дмитриев*, *Н.Х. Кетчер*, *П.Я. Чаадаев* и мн. др. («Мои воспоминания», т. I, с. 171—181). О Е.Г. Левашевой и о собраниях у нее в связи с объявлением П.Я. Чаадаева, как автора «Философического письма», сумасшедшим интересные подробности в донесении жандармского полковника Перфильева (*Мих. Лемке*. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. Изд. 2. СПб., 1909, с. 423—424).